

СОСНОВЫЕ ИГОЛКИ

НАШ ДОМ у соснового леса, я так ясно могу это представить — и сосны эти высоченные, скрипучие, и тропинку с кочками от корней, усыпанную сосновыми иголками, и даже запах этот чувствую, и детские голоса слышу, и свой могу разобрать...

Давно дома не был

ЕХАЛ Я ТОГДА из промёрзшего Новосибирска с тяжёлых заработков. Соскочил с подножки поезда. Ввалил мешок с гостинцами на плечи. Осмотрелся, гляжу, сосед мой — Егор Косой, на санях.

— Стой! — закричал я ему, рванув с места.

Притормозил он своего косматого Добрыньку, оглянулся.

— Иван, ты?

— Я, — отзываюсь.

— Садись, подвезу, — кивнул он на сани, на которых, чтоб не околеть, морозилась старая фуфайка. Кинул я свой выстрадавший мешок, сел на массивные сани с остатками сена и фуфайкой. Покатили. Утро, вокруг тихохонько, берёзы пушистые, снежные, русские. Слов не

хватит, чтоб рассказать. Морозно, колко в воздухе. Щёки у Егора зазелели, нос красный, на усах изморозь. Дыхнёшь — пару! А я нос в рукав шубы спрятал, чтоб не отморозить. Холодно, но поговорить охота. Давно дома не был.

— Мои-то как? Нюра? Ребятишки?

— Заждались. Ребятишки вроде не хворают, гостинцев ждут, — быстро заговорил Егор.

— Везу, везу, сахарки, — довольно улыбнулся я.

— Нюра давеча приходила. Не знает, свињюто, Парамонку, резать или на будущий год уж. Без Ивана, говорит, ничего делать не буду.

Расспрашивал я его всю дорогу о том, о сём. Вот и улица скоро наша. Глядим, две девчонки у дороги, маленькие, в шали укутанные, в старых тулупчиках и в валенках, уж больно больших.

— Ты глянь! — кричу я Егору, кивая на девчечек — Какие дети нынче сопливые пошли. Сиротки небось. Сопли подтеретьь некому. Беда! Отец куда гля... Пстой-ка, дык... это не мои ли?

Пригляделся:

— Точно... мои.

Теплушки

— **МАМ, А ПОЧЕМУ У ТЕБЯ** веснушки на спине?

— Так я ж декабрьская! Холодно им на лице зимой. Вот они и спрятались.

Чудно.

Дедушка

ЛАГЕРЬ БЫЛ в сосновом лесу. Так и назывался — «Соснячок». Чуть выше был лиственный лес, мой дедушка там седых коз пас. Возвращаясь домой, он обязательно пройдёт мимо лагеря. Видит плохо, но меня высмотрит.

— Алёна! — кричит мне и рукой машет.

«Кто кричит?» — смотрю я по сторонам.

— Дееда! — увидав дедушку, бегу к нему навстречу.

Обнимаю. Целую. Бабушке привет передаю.

На выходные бабушка с дедом меня к себе забирали. Вот лежу я в маленькой комнате, на пружинной кровати. Отдыхаю. Будто сплю. А сама слушаю, что дед говорит:

— Давеча прохожу мимо лагеря. Гляжу, за клубом девки стоят, молоденьки. Папироски курят. Пригляделся. Нашей нет. Если б была, я ей космы бы повыдергал!

Надулась я, как пузырь: «Как это дед так обо мне подумал!»

Курить я позже начала, когда космы дёргать некому стало...

Не смотри!

МНЕ БЫЛО пять. Мама и папа всегда рядом — на прогулке, за обедом, перед телевизором.

Только в фильме целоваться начнут, мама с папой:

— Алёна, не смотри! — в один голос.

Я глаза ладошкой закрою.

Но как реклама! Малышей голеньких показывать будут, тут уж вы мама с папой: «Не смотрите!»

Жуча

Я ЕЙ КРАСНЫЙ БАНТ на шею привязывала и за один конец по квартире водила. И в зал зайдём, и в ванную. Шагает. Не отстаёт.

— Жуча! Жуча! — глажу по спине.

На кухню зайдем.

— Сидеть! — строго велю я Жуче.

Слушается.

Только мама руками всплеснёт и рассмеётся.

— Дочь... не приставай к отцу! С работы, устал ведь. А ты, пьяненький, спать иди!

Я Жучу уложу, одеялом накрою. И сама рядышком лягу.

Лук

У ДЕДУШКИ зимой на окне зелёный лук рос, в деревянных ящиках. Как-то потянулась я за одним только зелёным пёрышком, чтоб в суп пустить.

А он как закричит:

— Не тронь, бабушке на поминки!

Я разозлилась. Маме наябедничала. Глупая.

Шинель

— **ВОТ У ТЕБЯ** шинель есть, — серьёзно говорил дедушка. — А ночью холодно. Ты шинелью как согреешься?

— Как?

Дед, глаз прищурил:

— Сверху укуроешься али на себя наденешь?

Я, подумав, быстро отвечала:

— На себя надену.

— Молодец! Правильно мыслишь, — довольно улыбался дед.

Сахар

БАБУШКА С ДЕДОМ жили бедно. В то время все так жили. Сахара не было. Бывало, мой дядя, ещё совсем маленький, пьёт чай, а сладкого хочется!

— Мам, дай сахар! — кричит он моей бабушке из-за стола.

— Нету, милай, — печально отвечает бабушка.

А потом вдруг улыбнётся и скажет:

— А ты мешай, мешай — и сладко будет.

Бабушка похлопотала: посуду перемыла, похлёбку сварила. Теперь и отдохнуть не грех. Села за стол. Чай свежий заварила:

— Сахарку бы, — говорит.

А мой дядя, уже сидя на полу и играя с деревянной лошадкой:

— Мам, так ты мешай, мешай — и сладко будет!

Во дворе

— **НАТАШКА, СМОТРИ**, твой папка опять пьяный идёт!

— Галь, ты чего, может, ей обидно?

— Ну, прям! Тебе ведь не обидно?

— Нет, — тихо ответила Наташка, опустив голову. Она ещё не знала, обидно ей или нет. Но играть как-то сразу расхотелось, а домой идти ещё рано, поэтому она пошла на поляну, прямо за своим домом. Отыскала в траве маленький муравейник и долго смотрела на торопливых муравьишек, подкладывая им то палочки, то травинки

Девочка

ЕЁ ЗОВУТ Оля. Ей шесть лет. Оля светленькая, она не улыбается, просто смотрит. Перед ней игрушки: дырявый зелёный крокодил и красный, скорее, розовый заяц. Розовый от дождей. Над её головой высокая сосна, в её светлых кудряшках путаются жёлтые сосновые иголки. Я никогда с ней не говорю, я совсем её не знаю. И только на Пасху, когда мы приходим к бабушке, мама даёт мне конфеты и говорит: «Положите на могилку девочке». И мы с сестрёнкой медленно кладём конфеты рядом со старым крокодилом и розовым зайцем. Девочка становится нам родной, и мы грустно улыбаемся ей, стряхивая жёлтые сосновые иголки, ведь у неё никого больше нет на свете, кроме этой сосны...

Сухие цветы

Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Ф. И. Тютчев

Я ПРОЕХАЛА нужную мне остановку. Водитель не остановился, подумал, наверно: «Никто

не пойдёт сюда зимой, в понедельник». И я промолчала. Мне пришлось перелазить через высокий сугроб справа от дороги и идти по зимнему сосновому лесу, по узкой тропинке. В детстве я боялась сосен, между ними в лесу росла высокая крапива, и к пруду напрямик не пройти. Сосны казались мне сердитыми, несговорчивыми. А сейчас, кажется, хотят сесть на корточки и рассказать о дедушке, который бродил с козами, пусть не в этом, но всё же лесу, таком же живом.

Шла я недолго. Вышла на открытое пространство и тяжело взглянула на кресты и памятники: «Это ведь мог быть целый город. Он и был. Все эти бабушки и дедушки любили, радовались и огорчались. А теперь спят под толстым снежным одеялом, которое не поднять до весны. Молодые лица мелькают постоянно, но они как будто из другого фильма...»

Я остановилась у бабушки и дедушки. Всегда к ним приходила. И сейчас пришла. Помолчала. Как говорить — не знаю, вслух или про себя? Мёрзнут ноги, я по колено в сугробе. Зимой редко кто приходит. Я разрыла зелёный с синими цветами веночек, но только его верхнюю часть, весь не вытащить — снег мягкий только сверху, внизу неподъёмный. Высыпала все конфеты, что были, в тарелку, которую нашла в железном, маленьком, как кормушка, домике на ограде. Долго стоять не могу, холодно. Что-то говорю. Но что говорить? Они и так всё знают. Говорю, но никто не отвечает. Вдруг ветер как дунет сильно, но не в меня, а в сухие цветы на соседней могилке. Я улыбнулась — значит, слышат и видят, наверно.

Спускаюсь к тропинке и машу рукой: «Знаю, что мало побывала, но ещё приду».

Сухие цветы мне тоже машут.

И вот я уже иду по широкой зимней дороге, мимо отяжелевших от снега сосен, которые грустно скрипят на ветру.